

Н. Д. Руссев

Северо-восточные владения Дунайской Болгарии VII—X вв.: история и погребальные памятники

N. D. Russev.

North-Eastern Possessions of the First Bulgarian Kingdom in 7th—10th cc: History and Burial Sites.

Bulgaria emerged in delta of the Danube River, which was an important area of khan's possessions. After Christianization, north-eastern part of Bulgaria gradually got separated and became an asylum for advocates of the traditional way of life. Burials of the Balkan-Danube culture associated with Bulgarians are not numerous, but they are diverse and follow pagan rites: cremation from Ismail, a burial from Sadovo and a cemetery at Slobozia.

N. D. Russev.

Ținuturile nord-estice ale Țaratului Bulgar în sec. VII—X: istoria și monumentele funerare.

Bulgaria a apărut în delta Dunării, o zonă de mare importanță pentru ținuturile hanului. După adoptarea creștinismului, nord-estul Bulgariei treptat s-a izolat, devenind astfel un refugiu pentru adepții modului tradițional de viață. Cu toate că mormintele ce se atribuie culturii balcano-dunărene asociate cu bulgari nu sînt numeroase, ele sînt diverse și executate conform tradițiilor păgîne: mormîntul cu cremație de la Ismail, mormîntul din Sadovo și cimitirul din Slobozia.

Н. Д. Руссев.

Северо-восточные владения Дунайской Болгарии VII—X вв.: история и погребальные памятники

Болгария возникла в районе дельты Дуная, являвшемся важной частью ханских владений. После крещения северо-восток Болгарии постепенно обособился, став прибежищем последователей традиционного образа жизни. Погребения связываемой с болгарями балкано-дунайской культуры немногочисленны, но разнообразны и совершены по языческим обрядам — кремация из Измаила, погребение у Садового и могильник Слободзея.

Keywords: First Bulgarian Kingdom, Balkan-Danube culture, Saltov-Mayatskaya culture, cremation from Ismail, cemetery at Slobozia.

Cuvinte cheie: Țaratul Bulgar, cultura balcano-dunăreană, cultura Saltov-Mayatskoye, cremația de la Ismail, cimitirul din Slobozia.

Ключевые слова: Дунайская Болгария, балкано-дунайская культура, салтово-маяцкая культура, кремация из Измаила, могильник Слободзея.

Во второй половине VII в. по узкой полосе степей, прилегающих к черноморскому побережью, к Дунаю пробилась болгары Аспаруха. Согласно сообщениям византийских авторов, хан «поселился у Истра, достигнув места, удобного для поселения, сурового и неприступного для противника, называемого на их языке Оглом». Среди его болот, рек и круч болгары устроили своего рода крепость. Здесь в 679—680 гг. Аспарух впервые разгромил и прогнал войска ромеев, заставив императора Константина Погоната (668—685) платить

дань (Чичуров 1980: 61, 162). «Повесть временных лет» отметила, что пришли «от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были поселенцами на земле славян» (ПВЛ 1996: 10/146). В другой трактовке концовка фразы передана словами «были насильники славянам» (ПВЛ 1950: 208), зафиксировавшими господствующее положение болгар на Нижнем Дунае. Вероятно, с этого времени развиваются взаимозависимые процессы освоения болгарями византийского опыта и расставания с традициями степи.

1. Между цивилизацией и варварством

Уже Тервел (700—721), сын Аспаруха, вмешался в спор за византийскую корону. Двинув на Константинополь «весь подвластный ему народ болгар и славин», он вернул власть свергнутому с престола Юстиниану II (685—695, 705—711). За эту услугу император уступил болгарам некоторые пограничные территории, хотя коренные владения хана по-прежнему находились в низовьях Дуная. На это указывает маршрут Юстиниана II, прибывшего из крымского изгнания «к Тервелю, владыке Болгарии», императора Галиада не случайно бросила якорь в устье Дуная (Чичуров 1980: 63, 163—164). Очевидно, близлежащие земли по обе стороны реки являлись ядром «Болгарии» и надежно контролировались центральной властью.

В дальнейших болгарско-византийских отношениях ключевым фактором стали славяне. При Константине V (741—775) они во множестве перешли из болгарских владений в земли империи, войска которой совершили не менее пяти больших походов против северных соседей. Показательно, что в войнах с болгарамии василевс, подобно своим предшественникам, раз за разом направлял флот к устьям Дуная. В кампании 756 г. участвовало до 500 кораблей ромеев: «Очутившись у реки Истр, они предали огню земли болгар и взяли немало пленных». В событиях 763 г. император отправил к Дунаю около 800 судов. Тогда же 20 тыс. славянских воинов «из соседних племен» сражалось на стороне болгар. В 774 г. против них был выдвинут «флот из 2-х тысяч хеландиев», причем в дельту реки направился и сам василевс (Чичуров 1980: 68—69, 166—167; Златарски 1970: 278—306).

Кризис Болгарии, наступивший в том числе в связи с прекращением династии Дуло, удалось преодолеть лишь при Круме (803—814). Вторжения этого хана в Византию 811—813 гг. привели к разрушению многих крепостей Восточной Фракии, а у Адрианополя болгары взяли огромный плен — только мужчин до 10 тыс. По приказу хана невольников с семьями поселили «в Болгарии за Дунаем», где-то в низовьях Серета, Прута и Южной Бессарабии. За христианами, именующимся в источниках «македонцами», сохранили право ношения оружия и даже военную организацию во главе со стратилатом. В число перемещенных ромеев попал ребенок и будущий император Василий I (867—886), основатель Македонской династии (Златарски 1970: 357—358). По-видимому, в землях к северу

от дельты Дуная болгары испытывали особый недостаток оседлого населения.

Предполагается, что появившееся тогда для обозначения северных владений Болгарии, на левом берегу реки — определение «за Дунаем» (Божилов 1979: 176—185), касалось территорий, установленных договором с Франкской империей. Судя по всему, они проходили по Тисе к верховьям Прута, а далее вниз по реке, линии Леово — Бендеры и затем по Днестру к морю (Златарски 1970: 323). В «Деяниях венгров» недвусмысленно сообщается, что болгарский хан завладел пространством между Тисой и Дунаем «до самых пределов рутен и поляков и там поселил склавов и болгар» (ЛИБИ 2001: 13, 25). «Описание крепостей и областей на северном берегу Дуная» баварского географа начала IX в. говорит, что задунайские земли Болгарии обширны и на них находится пять крепостей. Их население весьма многочисленно, что по мысли анонима объясняет, почему этому народу нет нужды строить большое количество крепостей (Гюзелев 1981: 68—70, 80). Некоторые исследователи распространяют задунайские территории Болгарии до Днепра (Божилов 1979: 183—184).

Действительно, хан Омуртаг (814—831) вел борьбу с хазарами на северо-востоке. Около 818—824 гг. во время похода в земли каганата утонул в Днепре болгарский военачальник Окорсис (Бешевлиев 1979: 212—214, № 59). Возможно, правитель Болгарии вмешался в дела соседей, стремясь защитить родственных «каваров» или «кабаров» (Константин Багрянородный 1991: 163). Предполагается, что речь идет о «черных болгарях», взбунтовавшихся против насаждавшегося в Хазарии иудаизма (ср. Димитров 1998: 21; Златарски 1970: 393—395).

Проводя территориально-административные преобразования, Омуртаг разделил разросшееся Болгарское государство на 10 частей, подорвав племенную автономию славян. Отныне центральную область, именованную «внутренней», окружало 9 провинций — «комитатов», начальники которых назначались из Плиски и зачастую являлись близкими родственниками хана. Один из комитатов с центром в Доростоле (Силистре) составляли земли Добруджи и юга Карпато-Днестровского региона. Важнейшая задача его комита состояла в охране устьев Дуная от византийского флота. Другой северовосточный комитат, вероятно, включавший редко населенные районы до Днепра, мог возглавлять упомянутый Окорсис (Венедиков 1979: 92—95).

Около 837 г. византийцам удалось вывезти на родину пленников, поселенных за Дунаем Крумом. Посланные императором Феофилом (829—842) корабли вошли в реку, на левом берегу которой болгарский комит вступил в бой с «македонцами». В отсутствие находившихся у южных границ страны основных сил, болгары прибегли к помощи живших неподалеку венгров. Тем не менее, часть византийцев сумела прорваться к кораблям и возвратиться на родину вместе с семьями (ГИБИ 1964: 156—157; 1965: 136—137; ср. Златарски 1970: 432—435; Венедиков 1979: 92—93; Димитров 1998: 21—22). Как сказано в старославянском варианте этой истории, в числе спасшихся ромеев и будущий василевс «от злых же избег сетей българских» (ХКМ 1988: 197).

Крутой поворот в истории Болгарии произошел с принятием христианства, когда «очень жестокий и воинственный болгарский народ в большей своей части оставил идолов, отрекся от языческих суеверий, поверил в Христа» (Гюзелев 2006: 188). Подвиг хана Бориса, крещенного в Михаила, состоял в том, что «силой Христа и крестным знаком он победил черстное и непокорное болгарское племя, ... разорил их жертвенники» (Богданов 1980: 66). Христа ради в 865 г. он уничтожил 52 рода старой болгарской знати, олицетворявшие верхушку приверженцев язычества (Гюзелев 1969; 2006: 188; Божилов 1995: 86; Рашев 2001: 124).

Между тем его сын Владимир-Расате, заняв престол, стал «всеми средствами возвращать новокрещенный народ к языческим обрядам». Однако в 893 г. отец, ушедший было в монастырь, взялся за оружие, лишил власти Владимира и «созвал все свое царство» — собор, который возвел на трон Симеона. Старому князю пришлось публично припугнуть младшего сына повторением судьбы брата на случай, если он «отступит от истинного христианства» (Гюзелев 2006: 188; Рашев 2001: 150—152).

«Полутрек» Симеон стремился создать новую империю, в которой Византия увидела угрозу своему существованию. Поэтому в 922 г. вселенский патриарх уверял царя болгар, что императоры «не перестанут возбуждать для вашей гибели всякий народ» (Тихомиров 1947: 137). Еще в 894—896 гг. венгры, разорив задунайские владения болгар от Днестра до Тисы, при поддержке императорского флота переправились через Дунай, опустошили Добруджу и достигли Преслава. Только помирившись с греками, Симеон в союзе с печенегами сокрушил венгров (Димитров 1998: 29—37).

Очевидно, что обособление владений Болгарии за Дунаем происходило по мере христианизации балканских земель и притока новых волн кочевников. Все более значимым становилось воздействие печенежского фактора. Болгарское руководство вынужденно лавировало между единоверными византийцами и этнически близкими тюркскими язычниками. Не случайно константинопольский патриарх в 917 г. укорял Симеона за многократные попытки «посредством браков своих детей» (МДСБ 1991: 83) добиться союза с печенегами, кочевья которых находились уже вблизи Дуная. В середине X в. четко зафиксировано, что «булгары проявляют постоянное старание и заботу о мире и согласии с пачинакитами», явно опасаясь агрессии соседей. Земли печенегов от владений Болгарии разделяли всего полдня пути (Константин Багрянородный 1991: 41, 157, 163). Разумеется, болгары и печенеги общались друг с другом на своих тюркских наречиях. Махмуд Кашгарский прямо указывает, что язык печенегов родствен говорам болгар и сувар (Коледаров 1977: 57).

Приведенные факты отражают тесные взаимосвязи оставшихся в степях Северо-Западного Причерноморья болгар-язычников с родственными по языку и культуре печенегами. Не стоит забывать, что к Дунаю с востока время от времени переселялись и новые группы собственно болгар. Так кавары, проиграв войну хазарам, бежали из родных мест и «поселились в земле пачинакитов» (Константин Багрянородный 1991: 163).

Как выясняется, среди болгар еще долго держались традиции предков. На периферии им ничего не угрожало, а в христианизированных землях они лишь отступили, приняв латентные формы существования. В середине X в. элементы тюркского язычества отмечены даже в царствующем доме. Баян — один из сыновей Симеона — «настолько изучил магию, что внезапно мог превращаться из человека в волка и во всякого другого зверя». Вместе с братом Иоанном они носили не принятую при дворе одежду византийского образца, а традиционное «болгарское платье» (Гюзелев 2006: 189, 263). Царской власти приходилось смотреть сквозь пальцы на демонстративные проявления приверженности язычеству, начиная от чисто внешних атрибутов до шаманских обрядов. Очевидно, все еще существовало идолопоклонничество с культом Тангры. И к своим божествам, и к своим единоверцам ревнители старой религии должны были обращаться по-дедовски, на болгарско-тюркском наречии.

Такая обстановка в северо-восточных областях державы Симеона и его преемника Петра (927—970) способствовала мирному проникновению сюда печенегов. Новые переселенцы из степей Северного Причерноморья упрочивали живучесть тюркского язычества в придунайском регионе, постепенно придавая краю иной вектор этнополитического развития.

В современной исторической науке нет четких представлений о судьбе населения, сохранявшего после крещения Болгарии основы материальной и духовной культуры своих предков, в том числе тюркский язык и тангристскую религию (см. Добрев и др. 2008). Значительная часть тюркоязычных болгар, лишенных отчасти ославянившейся, отчасти уничтоженной аристократии, была вытолкнута на обочину общественной жизни. По всей видимости, они уцелели в степях по обе стороны Нижнего Дуная, включая исторический «Огл» («Онглос») и «Болгарскую пустыню» — Добруджу, где имелись условия для скотоводческого уклада жизни и еще в середине XII в. паслись «огромные стада диких животных» (Божилов, Гюзелев 2004: 379). Такие политически аморфные группы сравнительно легко взаимодействовали с более активными тюрками-язычниками, представители которых в благоприятной обстановке могли составить ядро вновь формирующегося этнополитического конгломерата. Этот процесс заметен уже в середине X в., когда Болгария без сопротивления сдала печенегам почти все свои степные владения к северо-востоку от низовий Дуная.

Ускоренное наложение существенной «печенежской добавки» на болгарскую основу происходило после установления власти Византии в Нижнем Подунавье, где отмечено пребывание т.н. «миксоварваров» (Тъпкова-Заимова 1976: 126—128). Михаил Атталиат утверждает, что пришедшие из-за Истра «скифы» (печенеги) не только принесли в городскую повседневность «скифский образ жизни», но и кардинально изменили настроения горожан — некоторые из них задумали отбросить власть ромеев, используя «печенежский народ». Когда болгарин Нестор, отправленный катепаном в не желавшую подчиняться императору Дристру (Силистру), обнаружил тут передавших крепость печенежскому вождю Татрушу сородичей, он переметнулся на сторону «местных жителей» и начал непримиримую войну с византийцами, приобщив к ней «и печенежское племя» (ГИБИ 1965: 183).

Археологические проекции, развернутой здесь исторической картины, хотя и существуют в историографии, до сих пор толкуются далеко неоднозначно.

2. Сплетенье захороненных традиций

С раннесредневековыми болгарами в междуречье Прута, Нижнего Дуная и Днестра связывается балкано-дунайская культура, которую на протяжении ряда десятилетий сближают со староболгарской культурой в Болгарии (Ваклинов 1977), культурой Дриду в Румынии (Zaharia 1967), салтово-маяцкой культурой в России и Украине (Артамонов 1962; Плетнева 1981). Несмотря на то, что изучение данного круга древностей ведется давно, проблематика в целом остается не вполне ясной даже для специалистов. В частности, это касается и погребальных памятников, консервировавших наиболее характерные признаки этнических традиций дохристианской эпохи.

В свое время была высказана точка зрения о том, что на территории Молдавской ССР следует различать 4 варианта балкано-дунайской культуры, названных именами наиболее исследованных памятников — Калфа, Ханска, Петруха и Стынкауцы. В рамках того же обобщения проводились и первые попытки анализа погребального обряда (Хынку 1974: 143—147).

Особенный интерес представляют материалы двух грунтовых некрополей лесостепной полосы, расположенных у поселения Ханска — Кэпрэрия и Лимбарь, которые соответственно датированы X—XI и XII—XIV вв. Захоронения здесь совершались главным образом по христианскому обряду, но с отдельными языческими элементами, которые более явственны на памятнике Кэпрэрия. В пределах этого кладбища, на котором открыто 75 погребений, выделена территориально обособленная группа из 8 скорченных захоронений и 7 кенотафов, которые не находят аналогий в числе 96 могил, раскопанных на Лимбарь. Предполагалось, что они являются тюрко-болгарскими (салтовскими); их носители уже утратили этнографические характеристики, но еще сохраняли антропологическую специфику. На обоих некрополях зафиксированы случаи ритуальных погребений домашних животных и расчленения покойников, а также элементы, возможно, свидетельствующие о распространении богомильского обряда положения умерших в могилу (Хынку 1970; 1973; 1974: 140—143).

Кроме того, погребения открыты в лесном массиве — Оргеевских кодрах — на памятниках, отнесенных к варианту Петруха. Так, в пределах селища Лукашевка V зафиксированы три ингумации с западной ориентацией. Отличительной чертой могильника у поселения Бранешты XIII является присутствие

на фоне абсолютного большинства совершенных по-христиански погребений кремаций — 97 против трех (Хынку 1969; 1974: 140).

Среди жилищ и ям на городище Калфа раскопано 6 погребений разной ориентации, из которых только одно содержало вещи. Все они интерпретированы как нехристианские, принадлежащие праболгарам и датированы концом X в. — временем, когда жизнь в этом пункте вовсе прекратилась (Чеботаренко 1973: 73—75).

Трактовка всей совокупности описанных археологических комплексов как вариантов единой балкано-дунайской культуры встретила довольно резкие возражения (Федоров, Чеботаренко 1974; Бырня, Рафалович 1978; 1983; Чеботаренко 1982). В результате культурно-хронологическая атрибуция памятников, в том числе погребальных, была пересмотрена. Поселения типа Стынкауцы пришлось исключить из числа памятников балкано-дунайской культуры. Материальная культура поселений центральной части Пруто-Днестровского междуречья (варианты Петруха и Ханска), согласно другой трактовке, сложилась в контактной зоне древнерусского и южнославянского населения под влиянием кочевых волн, прибывавших сюда через степи Северного Причерноморья, и в целом датируется X—XII вв. (Чеботаренко 1982: 41—42). Еще одно мнение состоит в том, что памятники типа Петруха — Лукашевка являются результатом этнокультурного синтеза древнерусского населения с поселившимися в регионе салтовцами (Рабинович, Гукин 1991: 208—211).

После пересмотра артефактов Бранештский могильник считается оставленным христианским населением второй половины X — первой половины XI вв., которое сохраняло некоторые языческие черты погребальной обрядности. В частности это выразилось в наличии при умерших значительного числа вещей (всего более 300 экз.) и кремации отдельных усопших. Анализ погребального инвентаря — керамики, украшений, орудий труда и предметов вооружения — дали основания для определения древнерусской этнической принадлежности памятника. Сравнительно-антропологическое изучение позволило установить восточнославянский облик людей, похороненных в районе Бранешт, и их этногенетическую связь с проживавшими севернее древлянами (Федоров, Чеботаренко 1974: 105—108; Великанова 1975: 91—113; 1983: 25).

Поселение Лукашевка V относится к последнему периоду обитания посада древнерус-

ского Лукашевского городища. Здесь найдены безынварные погребения, два из которых совершены одновременно внутри заброшенного жилища, но ориентированы в разные стороны. Судя по всему, трупы людей были закопаны в спешке без строгого соблюдения обряда. Не случайно вблизи них, практически на том же уровне обнаружен скелет собаки. Возможно, открытые останки являются свидетельствами гибели посада, датируемой около середины XII в. На селище встречаются материалы, характерные не только для восточных, но и южных славян, что отмечено в полуземлянке 5 с двумя погребенными. Известны на памятнике и находки вещей, свойственных для кочевников (Федоров, Чеботаренко 1974: 103—105; Федоров, Чеботаренко 1982: 30, 42—45). Типологически и хронологически сходная ситуация с захороненными в котловане заброшенной землянки убитыми людьми отмечена и на селище Бранешты XIII, что может указывать на общность судеб этой группы обитателей Оргеевских кодр (Рабинович, Гукин 1991: 213—214).

Могильники Кэпрэрия и Лимбарь признаны в значительной мере синхронными в пределах XI в., хотя захоронения на первом начали и прекратили совершаться раньше. Погребения Кэпрэрии принадлежат смешанному населению, включавшему славян и осевших рядом с ними кочевников — алано-болгар и печенегов. Материалы некрополя Лимбарь оказались неоднородными, связанными с восточными и южными славянами, а в какой-то мере и со степняками. Краниологические измерения показали, что погребенные здесь люди представляли «механическую смесь». Исследование установило близость женских черепов этого могильника местным славянам, а мужских — людям с некоторыми монголоидными чертами. Это население, пришедшее в Пруто-Днестровское междуречье с востока, обнаружило близкое родство с болгарской группой носителей салтово-маяцкой культуры, но по антропологии существенно отличалось от обитателей балкано-карпатской области (Федоров, Чеботаренко 1974: 108—116; Великанова 1975: 114—138; 1983: 25—26; Чеботаренко 1982: 54).

Так, к собственно балкано-дунайской культуре оказались принадлежащими только памятники типа Калфа, определенные как южнославянские, во многом идентичные староболгарским поселениям, едва ли надолго пережившим гибель Первого Болгарского царства. Четыре десятилетия назад речь шла о 89 памятниках, разделенных на две группы: нижнедунайскую VIII—X вв. — 62 поселения

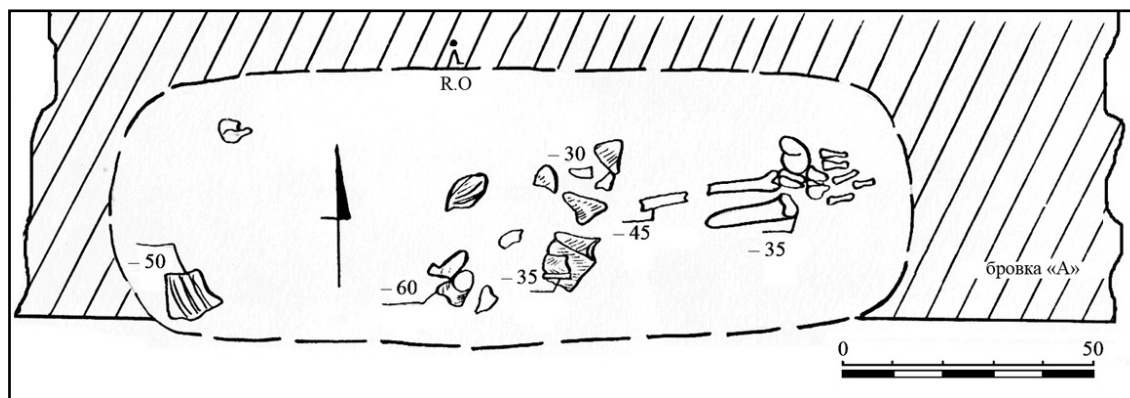

Рис. 1. План погребения №10 из кургана №1 у с. Саровое, 1990 г.

и нижнеднепровскую X в. — 27 (Чеботаренко 1969: 211—229). Последние сводные данные о количестве «древнеболгарских (южнославянских) поселений степного междуречья Дуная и Днестра» касаются 137 памятников конца VIII — начала XI вв.: 102 селища зафиксированы в районе придунайских озер, а 35 — по правой стороне Нижнего Днестра (Козлов 1991; 1996: 109, рис. 5; 1997: 103, рис. 1, 3). Показательно, что если первоначально часть поселений Пруто-Днестровского региона даже авторитетные исследователи считали вариантом салтово-маяцкой культуры (Плетнева 1967: 7—8, 12, 187—188; 1981а: 64—65; 1981б: 75—77), то затем спорные памятники стали восприниматься как «единая культура Болгарского государства IX—X вв.» (Плетнева 1990: 88).

Особенности археологических комплексов региона VIII—XII вв., конечно же, свидетельствуют об условности их отнесения к одному культурно-хронологическому горизонту. Что касается погребальных памятников, то имеющих данных для точных заключений, к сожалению, не хватает. В том числе и по этой причине географически «широкозахватные» подходы не могут сделать результаты новых работ научном в плане ни выразительными, ни правдоподобными (см. Tentiuc 1996; Musteață 2005).

Определенные надежды на это появились недавно, в связи с публикацией интереснейшего могильника рассматриваемой эпохи, открытого на левобережье Днестра. Еще в 1994 г. между населенными пунктами Чобручи и Слободзея, в северо-восточной части образованного рекой мыса, был раскопан насыпанный в эпоху энеолита курган. В нем обнаружены 43 разновременных погребения, из которых 26 впускных и наиболее поздних принадлежат раннесредневековым кочевникам. Простые ямы, западная с сезонными отклонениями ориентация труполо-

жений, ритуальное разрушение большинства скелетов и найденный в 14 могилах погребальный инвентарь позволили отнести этот функционировавший на протяжении около полувека, несомненно, языческий некрополь к концу VIII — первой половине IX вв. По мнению издателей материалов, погребальный комплекс на левом берегу Днестра может быть причислен к степному болгарскому варианту салтово-маяцкой культуры и в то же время к раннему периоду балкано-дунайской культуры (Щербакова и др. 2008: 4—6, 12, 69, 91—92, 137).

Вероятно, сопоставимым с захоронениями из-под Слободзеи может являться впускное погребение № 10, обнаруженное в 1990 г. при раскопках расположенного на берегу Днестровского лимана у с. Садовое (Белгород-Днестровский район Одесской области Украины) кургана № 1. Оно сохранилось частично — только кости голени и часть ступни. Судя по положению ног, погребенный был уложен головой на запад (рис. 1). Могильная яма, контуры которой прослежены не четко, была подпрямоугольной формы со скругленными углами — 150×55 см, глубина не превышала 60 см. Как сказано в полевом дневнике, по всей площади ямы на разных уровнях — от 35 до 60 см — найдены «обломки разбитого горшка (гончарного) балкано-дунайской культуры с характерным волнистым орнаментом». Они и являются основанием для причисления захоронения к болгарским древностям. К сожалению, поиски в фондах Одесского археологического музея этих достаточно крупных керамических фрагментов пока не принесли ожидаемых результатов¹.

¹ За информацию о данном погребении приношу благодарность автору раскопок, научному сотруднику Одесского археологического музея НАНУ А.Е. Малюкевичу.

№5. 2010

В сентябре того же 1990 г. на территории бывшей турецкой крепости Измаил (Одесская область Украины) велись охранные археологические раскопки. Раскоп тянулся от Дуная вдоль общежития местного техникума механизации и электрификации сельского хозяйства, со стороны расположенной в здании бывшей мечети диорамы «Штурм крепости Измаил». Здесь мною выявлены следы раннесредневекового могильника, по всей видимости, почти полностью разрушенного культурными напластованиями османского периода.

Речь идет об открытых примерно в 100 м от берега Дуная трех обломках днища нескольких фрагментах стенок гончарной керамики, а также раздавленном горшке с остатками кремации. Культурный слой времени бытования найденной керамики практически целиком уничтожен позднейшей деятельностью людей, надо думать, в XVII—XVIII вв. По этой причине проследить его не удалось. За исключением горшка-урны, остальные фрагменты раннесредневековой посуды зафиксированы в перемещенном состоянии на глубине 0,6—0,8 м от современной дневной поверхности — кв. 301 и 307 (Росохацкий 1991: 4, рис. 18, 2—4).

Горшок с безымянной кремацией (рис. 2) выявлен на останце при переходе к материковому грунту — северо-восточный угол кв. 315, глубина 1,2 м. Форма ямы, в которую он был помещен, не прослеживалась также из-за позднейших перекопов. Пережженные человеческие кости заполняли примерно две

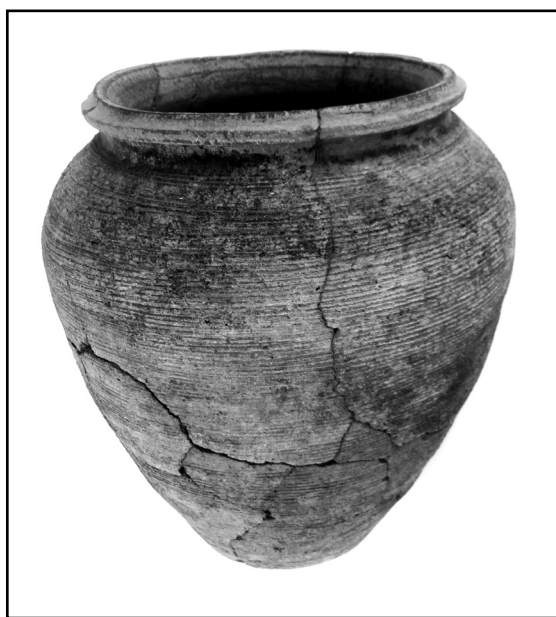

Рис. 2. Горшок-урна из Измаила, 1990 г.

трети объема сосуда. Трупосождение можно отнести к числу чистых, хотя наряду с кальцинированными костями обнаружены несколько уголков погребального костра. Остатки скелета (фрагменты трубчатых костей длиной 4—6 см и черепной крышки) дают возможность заключить, что погребение принадлежало взрослому человеку.

Погребальной урной служил гончарный сосуд вытянутых пропорций, характерный для балкано-дунайской культуры. Размеры горшка: высота — 26 см, диаметр венчика — 18 см, максимальный диаметр тулова — 23 см, диаметр дна — 11 см. Сложно профилированный венчик отогнут наружу. Шейка сосуда короткая, довольно резко переходит в крутое плечо, где горшок достигает наибольшего диаметра, а затем сужается ко дну. В центральной части плоского дна расположено рельефное клеймо — изображенный широкой линией круг, в который вписан исполненный тонкими линиями квадрат с крестом (рис. 3).

Горшок изготовлен из плотного глиняного теста, содержащего примесь крупного песка. Обжиг горновой, закисный. Тулово сосуда практически сплошь покрывает врезной орнамент из прямых горизонтальных линий. Орнаментальное поле начинается сразу же под венчиком и спускается ко дну горшка (Росохацкий 1991: 5, рис. 18, 1). Судя по найденным поблизости в кв. 301 и 307 керамическим обломкам, подобным образом можно охарактеризовать и другие сосуды, от которых сохранились только фрагменты.

Совершенно очевидно, что на территории османской крепости Измаил XVI—XIX вв. некогда находился раннесредневековый некрополь с кремациями в урнах, к сожалению, совершенно бесперспективный для целенаправленного археологического изучения. Можно допустить, что могильник принадлежал открытому в 1979 г. С.В. Паламарчук поселению балкано-дунайской культуры Матроска², находящемуся ниже по склону на берегу р. Репида, которая впадает в Дунай в пределах современного Измаильского порта (Козлов 1991: прил. 1, № 40).

Близкую аналогию погребальной урне из Измаильской крепости удалось найти среди богатого керамического материала поселения Орловка IV, расположенного в 6 км к северу от одноименного села Ренийского района Одесской области. Открытое разведками

² Подъемный материал с памятника хранится в фондах Измаильского музея А.В. Суворова.

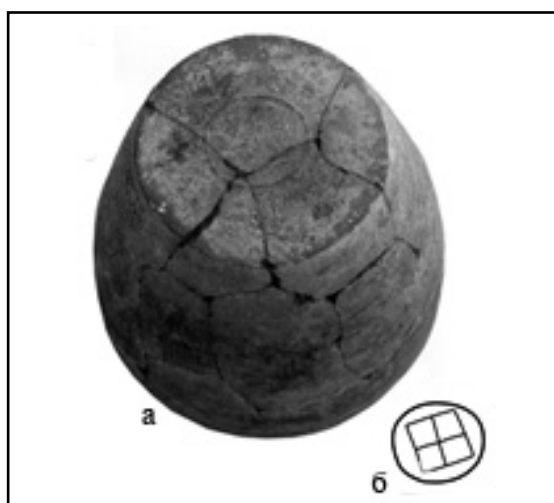

Рис.3. Дно горшка-урны с клеймом (а), прорисовка клейма (б).

Л. В. Субботина в 1964 г. на плато восточного берега озера Кагул небольшое селище площадью 200×100 м (Чеботаренко 1969: 222—223) исследовал в 1985 и 1987 гг. В. И. Козлов. Значительный интерес представляет керамика Орловки IV, в частности 1142 фрагмента из постройки 2 (погреб). Они принадлежат не менее чем 54 горшкам, 40 из которых удалось реконструировать. В их числе выявлен сосуд очень похожий на горшок-урну из Измаила. У этих изделий сходными вплоть до совпадения деталей оказались формы, размеры, характер орнаментации и клейма на дне (Козлов 1991: прил. 1, № 65, рис. 67: 33)

* * *

Разнообразие и «культурная гибридность» сравнительно малочисленных погребальных памятников требуют более корректной постановки вопроса о специфике развития этнокультурных процессов на северо-востоке владений Дунайской Болгарии в VII—X вв. и в тех же местах, но уже после падения болгарской государственности — в XI и отчасти в XII вв.

Во втором случае надо иметь в виду, что группы поселений типа Ханска и Петруха — Лукашевка, несомненно, появились тогда, когда Болгария как государство потеряла власть над большей частью региона. Как представляется, возможное участие в их формировании носителей балкано-дунайской, а равно и салтово-маяцкой культур должно стать предметом отдельного исследования.

Думается, что оба массива раннесредневековых поселений, являющиеся собственно балкано-дунайскими, возникли в результате освоения южной части Пруто-Днестровского

междуречья встречными волнами разновременных переселенцев из-за Дуная, Поднестровья и Заднестровья. Единственное погребение, принадлежащее придунайской группе, — кремация из Измаила — безусловно вписывается в круг такого рода дохристианских древностей, известных в Болгарии и Румынии по материалам IX в. Погребальные памятники Приднестровья, напротив, представлены исключительно ингумациями. По целому ряду признаков они также должны интерпретироваться как языческие, в какой-то мере близкие к кочевническим.

Особое внимание привлекает могильник Слободзея, который вопреки географической близости к приднестровской группе, находится в зоне, где до сих пор не выявлен ни один памятник как балкано-дунайской, так и салтовской культур. По характеру он, безусловно, неоднороден, что отличает его от уже известных языческих некрополей болгар. По некоторым чертам (захоронению чучел

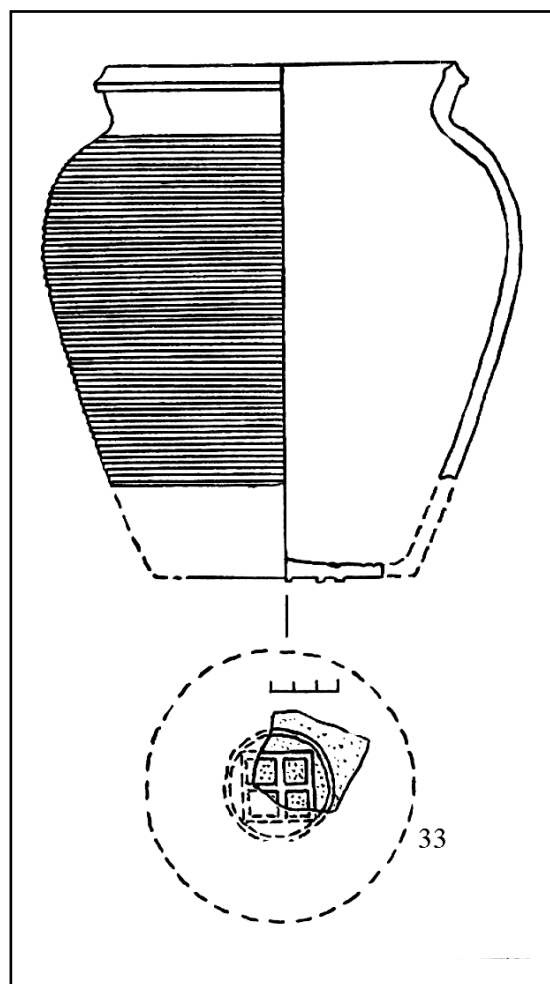

Рис.4. Горшок из погребя Орловка IV (по В. И. Козлову).

№5. 2010

коней, наличие отдельных сосудов) можно предполагать пребывание в группе продвигнувшихся сюда с востока кочевников не только болгар, но и представителей других племен, в частности печенегов. На это указывает и возможность более поздней (вплоть до первой половины X в.) датировки части погребений — №№ 16, 17, 36, 38, 40.

Для памятников балкано-дунайской культуры характерно практически полное отсутствие типично христианских погребений и предметов культа, например обычных и даже массовых для северо-восточных земель современной Болгарии находок нательных крестиков и медальонов. Это может указывать на то, что задунайские земли после христианизации,

действительно, оставались своеобразным убежищем язычников.

Разумеется, еще не все высказываемые здесь предположения и догадки находят достоверные подтверждения. Приходится, как и прежде, рассчитывать на скорые открытия новых погребальных комплексов рассматриваемого культурно-исторического круга, а также на усовершенствование методов точного датирования вещевых находок. Словом, «неотработанность вопросов хронологии» в качестве причины расхождений в трактовках этих древностей (Плетнева 1967: 7—8, 12, 187—188; 1981a: 64—65; 1981b: 75—77) остается для археологов-медиевистов камнем преткновения.

Литература

- Бешевлиев В. 1979. *Първобългарски надписи*. София: изд-во на БАН.
- Богданов И. 1980. *Безсмърни слова. Коментирани литературни паметници*. София: изд-во на Отечества фронт.
- Божилев И. 1979. «Анонимът на Хазе»: България и Византия на Долни Дунав в края на X век. София: изд-во на БАН.
- Божилев И. 1983. *Цар Симеон Велики (893—927): Златният век на Средновековна България*. София: изд-во на Отечества фронт.
- Божилев И. 1995. *Седем етюда по Средновековна история*. София: Анупис.
- Божилев И., Гюзелев В. 2004. *История на Добруджа. Т. 2. Средновековие*. Велико Търново: Фабер.
- Божилев И., Димитров Х. 2004. Protobulgaria. (Заметки по истории протоболгар до середины IX в.). *Byzantinobulgaria IX*, 7—61.
- Быряня П. П., Рафалович И. А. 1978. Проблема местного населения Днестровско-Прутского междуречья X—XII вв. и балкано-дунайская культура. *Известия АН МССР. Серия общественных наук* (1), 65—75.
- Быряня П. П., Рафалович И. А. 1983. Проблемы этнической истории Днестровско-Карпатских земель в конце I — начале II тысячелетия н. э. В.: Зеленчук В. С. (отв. ред.). *Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван*. Кишинев: Штиинца, 79—98.
- Ваклинов С. 1977. *Формиране на старобългарската култура VI—XI век*. София: Наука и изкуство.
- Великанова М. С. 1975. *Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья*. Москва: Наука.
- Великанова М. С. 1983. Итоги и перспективы палеоантропологических исследований в Днестровско-Прутском междуречье. В.: Зеленчук В. С. (отв. ред.). *Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван*. Кишинев: Штиинца, 20—30.
- Венедиков И. 1979. *Военното и административното устройство на България през IX и X век*. София: военно изд-во.
- ГИБИ 1964, 1965: *Гръцки извори за българската история*. Т. V, VI. София: изд-во на БАН.
- Гюзелев В. 1969. *Княз Борис I*. София.
- Гюзелев В. 1981. *Средновековна България в светлината на нови извори*. София: Народна просвета.
- Гюзелев В. 2006. *Покръстване и христианизация на българите. Извороведческо изследване с приложение*. София: Тангра ТанНакРа ИК.
- Димитров Д. 1987. *Първобългарите по Северното и Западното Черноморие. (Към въпроса за тяхното присъствие и историята в днешните руски земи и ролята им при образуването на българската държава)*. Варна: Георги Бакалов.
- Димитров Х. 1998. *Българо-унгарски отношения през средновековието*. София: Академично изд-во «проф. Марин Дринов».
- Добрев и др. 2008: Добрев П., Алексиев-Хофарт А., Нанкинов Д., Икономова И., Добрева М. *Българска държавност на север от Дунав като политически и културен феномен*. София: Тангра ТанНакРа ИК.
- Златарски В. 1970. *История на българската държава през средните векове*. Т. I. Първо българско царство. Ч. 1. София: Наука и изкуство.
- Йотов В. 2004. *Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII—XI век)*. Варна: Зограф; Велико Търново: Абагар.
- Козлов В. И. 1991. Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII — начала XI вв. н. э. (балкано-дунайская культура). Дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград. (Экземпляр рукописи хранится в библиотеке ВАШ).
- Козлов В. И. 1997—1999. Богатое I — поселение Первого Болгарского царства на левобережье дельты Дуная. *Добруджа* 14—16, 98—130.
- Коледаров П. С. 1977. Историческата география на Северозападното Черноморие по данните на Константин Багренородни. *ИИП* (3): 50—64.
- Константин Багрянородный 1991. *Об управлении империей*. Москва.
- Кузев А. 1980. Раннесредневековый некрополь под Варной. In: *Rapports de III-e Congres International d'Archeologie Slave*. 1975. Т. 2. Bratislava: Veda, 259—263.
- ЛИБИ 2001: *Латински извори за българската история*. Т. V. София: изд-во на БАН.
- МДСБ 1991: *Международни договори на средновековна България (681—1396)*. София.
- Плетнева С. А. 1981. Салтово-маяцкая культура. В: Плетнева С. А. (отв. ред.) *Степи Евразии в эпоху*

- средневековья. Москва: Наука, 62—75.
- Плетнева С. А. 1982. *Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей*. Москва: Наука.
- ПВЛ 1950: *Повесть временных лет*. Ч. I, II. Москва; Ленинград.
- ПВЛ 1996: *Повесть временных лет*. Ч. I, II. Санкт-Петербург.
- Рабинович Р. А., Гукин В. Д. 1991. Результаты раскопок на поселении Бранешты XIII и некоторые спорные вопросы изучения памятников типа Петруха–Лукашовка. В.: Бырня П. П. (отв. ред.). *Древности юго-запада СССР (I — середина II тысячелетия н. э.)*. Кишинев: Штиинца, 205—224.
- Рашев Р. 1982. *Старобългарски укрепления до Долни Дунав (VII—XI в.)*. Варна: Георги Бакалов.
- Рашев Р. 1995. Североизточната археологическа граница на Първото Българско царство. *БСП* 4, 89—95.
- Рашев Р. 2000. *Прабългарите през V—VII в.* Велико Търново: Faber.
- Рашев Р. 2001. *Прабългарите и Българского ханство на Дунав*. София: «Классика Стил» ООД.
- Росохацкий А. 1991. *Отчет об охранных раскопках в Измаильской крепости в 1990 г.* Одесса. Архив Музея истории Придунавья, г. Измаил, Одесская область Украины.
- Тихомиров М. Н. 1947. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVI в. В: Пичета В. И. (отв. ред.). *Славянский сборник*. Москва: ОГИЗ, 125—201.
- Тельнов и др. 2002: Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович Р. «И ... разошлись славяне по земле». *Из истории Карпато-Днестровских земель VI—XIII вв.* Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.
- Тъпкова-Займова В. 1976. *Долни Дунав — гранична зона на византийския запад. Към историята на северните и североизточни земи, края на X—XII в.* София: изд-во на БАН.
- Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф. 1974. Памятники древних славян (VI—XIII вв.). *АКМ* 6, 40—116.
- ХКМ 1988: *Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах*. София.
- Хынку И. Г. 1969. *Поселения XI—XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии*. Кишинев: РИО АН МССР.
- Хынку И. Г. 1970. *Лимбарь — средневековый могильник XII—XIV веков в Молдавии*. Кишинев: РИО АН МССР.
- Хынку И. Г. 1973. *Кэпрэрия — памятник культуры X—XII вв.* Кишинев: РИО АН МССР.
- Хынку И. Г. 1974. Памятники балкано-дунайской культуры (X—XIV вв.). В: Зеленчук В. С. (отв. ред.). *Древняя культура Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 127—150.
- Чеботаренко Г. Ф. 1973. *Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре*. Кишинев: Штиинца.
- Чеботаренко Г. Ф. 1982. *Население центральной части Днестровского-Прутского междуречья в X—XII вв.* Кишинев: Штиинца.
- Чеботаренко Г. Ф. 1983. Балкано-дунайская археологическая культура в зарубежной историографии. В.: Зеленчук В. С. (отв. ред.). *Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван*. Кишинев: Штиинца, 58—79.
- Чичуров И. С. 1980. *Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феодана, «Бревиарий» Никифора*. Москва: Наука.
- Щербачова и др. 2008: Щербачова Т. А., Тащи Е. Ф., Тельнов Н. П. *Кочевнические древности Нижнего Поднепровья (По материалам раскопок кургана у г. Слободзея)*. Кишинев: Elan Poligraf SRL.
- Musteață S. 2005. *Populația spațiului pruto-nistrean în secolele VIII—IX*. Chișinău: Pontos.
- Tentiuc I. 1996. *Populația din Moldova centrala în secolele XI—XIII*. Iași: Ed. Helios.

Статья поступила в номер 1 августа 2010 г.

Nicolai Russev (Kishinev, Moldova). Doctor habilitat of history. High Anthropological School.

Nicolai Russev (Chișinău, Moldova). Doctor habilitat în istorie. Universitatea «Școala Antropologică Superioară».

Руссев Николай Дмитриевич (Кишинев, Молдова). Доктор хабилитат истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: nrussev@mail.ru